

Шелест шёлка, скользящего по гладкой, как зеркало, плитке из чёрного нефрита, нарушил тишину.

— На колени.

Цзи Вэйцю послушно опустился, готовый выслушать нагоняй. С самого детства его воспитывал старший брат: от того, как есть и пить, до учёбы и манер — всему учил он. Разница в возрасте у них была двенадцать лет; будь она чуть больше, брат мог бы сойти ему за отца.

Цзи Су опустил взгляд на юношу, который даже на коленях не мог стоять прямо. Небрежно собранные в хвост волосы рассыпались, обнажая тонкую шею, что казалась ослепительно белой на фоне тёмных прядей и алой ткани.

Сколько он себя помнил, Цзи Вэйцю никогда не извлекал уроков из наказаний. Дворцовые правила были строги, этикет — неукоснителен. Сколько раз его наказывали, но он по-прежнему не умел ни стоять, ни сидеть как подобает.

Почувствовав на себе взгляд брата, Цзи Вэйцю невольно втянул голову в плечи и опустил её ещё ниже.

Как только его брату удаётся придавать своему взгляду температуру? Серьёзно, по шее пробежал холодок! Волосы на затылке встали дыбом!

— Зачем ты избил Чжоу Эра? — ровным голосом спросил Цзи Су. — Нанесение увечий — знаешь ли ты, какое это преступление? Если бы не...

Не успел Цзи Су договорить, как Цзи Вэйцю резко вскинул голову. Его лицо пылало гневом.

— Так это всё-таки этот мерзавец Чжоу Эр настучал!

В этом мире не так уж много было людей, которые, осмелившись перебить Цзи Су, остались бы в живых.

Пока Цзи Су обдумывал это, слова упрёка застыли у него на губах. Цзи Вэйцю уже кричал во весь голос:

— Брат! Я не виноват! Повторись такое хоть сто раз, я поступлю так же! Этот Чжоу Эр — просто мразь! Девушка спокойно шла по улице, а он схватил её и затащил в свою повозку! Если бы я не подоспел вовремя, она бы уже язык себе откусила! Я сломал ему ногу — и это ещё дёшево отделался!

— Это дело подсудно столичному градоначальнику. Какое оно имеет к тебе отношение? — возразил Цзи Су.

Цзи Вэйцю приподнялся на одно колено, уверенно заявив:

— Я увидел несправедливость и не смог пройти мимо!

— Дерзость, — спокойно произнёс Цзи Су.

Цзи Вэйцю молча опустил ногу, снова встав на оба колена. Цзи Су слегка приподнял правую руку. Гунгун Цинси, ахнув, бросил на юношу сочувственный взгляд и, взяв сбоку розгу, подал её императору. Цзи Су взял её и холодно приказал:

— Руки.

Цзи Вэйцю мгновенно спрятал руки в рукава.

— Старший брат-император, не буду! За что ты меня наказываешь? Разве я поступил неправильно, спасая жизнь невинной девушке? Я не согласен! Не протяну!

На самом деле он прекрасно понимал, что розга ему полагается не за спасение девушки, а за нарушение этикета. Но приходилось притворяться дурачком! Иначе его выпорют!

Цзи Вэйцю мысленно вздохнул, проклиная свою удачу. Он привык к вольной жизни за стенами дворца. Раньше, приезжая сюда, он редко пересекался с братом. Матушка же его обожала и никогда бы не стала искать повод для наказания. А на больших пирах, когда все преклоняли колени, в огромной толпе его было трудно разглядеть. Да даже если бы брат и заметил его, неужели бы он вытащил его на всеобщее обозрение и стал отчитывать?

Цзи Су никогда не тратил на него лишних слов. Он лишь слегка повёл глазами, и тут же из тени выступили два гвардейца из Лазурной Гвардии. Увидев их, Цзи Вэйцю понял, что дело плохо. Но тут в его голове мелькнула мысль, и он бросился к Цзи Су. Гвардейцы резко изменились в лице, но расстояние между братьями было слишком мало, они не успели помешать. На их глазах Цзи Вэйцю вцепился в ногу императора.

Успешно обхватив ногу Цзи Су, он перестал стоять на коленях и просто сел на пол. Бросив гвардейцам едва уловимый вызывающий взгляд, он поднял лицо к брату и жалобно проговорил:

— Старший брат-император, я был неправ, больше никогда так не буду... Мне скоро двадцать, а ты всё ещё наказываешь меня розгой. Если слухи пойдут, куда я денусь со стыда?

— А вдруг все решат, что ты меня невзлюбил, и начнут меня травить? Какое у меня тогда

останется достоинство? — добавил он и, вздохнув, мрачно закончил: — Сколько тогда доносов на меня напишут, обвиняя в распутстве? А придворные летописцы одним росчерком пера заклеят меня позором на веки вечные.

Скажи он что-то другое, Цзи Су немедленно приказал бы схватить его и высечь. Но Цзи Вэйцю упомянул о достоинстве, и поднять на него руку стало действительно неуместно. Однако гнев закипал в груди императора. Он с кривой усмешкой спросил:

— Князь Жуй обвиняет всех придворных в подхалимстве?

— Я этого не говорил. Но ты, старший брат-император, — Сын Неба. Как говорится, обучившись наукам и боевым искусствам, продай их императорскому дому. Угадывать желания государя — первейший долг каждого подданного.

Взгляд Цзи Су на мгновение стал острым, как лезвие, но тут же смягчился.

— В последний раз. Отпусти.

Цзи Вэйцю не осмелился дальше дёргать тигра за усы. Поняв, что на этот раз пронесло, он отпустил ногу брата, поднялся и поклонился:

— Благодарю, старший брат-император.

Видя, что других дел, кажется, нет, Цзи Вэйцю уже собирался улизнуть, но Цзи Су ровным голосом произнёс:

— Тебе скоро двадцать, пора жениться. Младшая дочь канцлера Вана добродетельна, скромна и умна. Она тебе подходит. Если у тебя нет возражений, выберем благоприятный день для свадьбы.

Цзи Вэйцю при второй же фразе хотел вскочить и запротестовать, но, наученный горьким опытом, сдержался и дослушал до конца.

— У меня есть возражения! Я не женюсь!

— Почему? — спросил Цзи Су.

Да потому что канцлер Ван — мелкий злодей, первый из сановников, кого его брат казнил после восшествия на престол!

Разве он мог такое сказать?

История была долгой, так что вкратце — ему не повезло переродиться в книге, в роли злодея... хотя злодеем его можно было назвать с большой натяжкой. Скорее, он был второстепенным персонажем, наживкой, которую его брат использовал, чтобы выловить всю крупную рыбу. Когда все враги были пойманы, из уважения к вдовствующей императрице его не казнили, а лишь сломали ногу и заперли до конца дней.

Брат поступил с ним так жестоко не только потому, что «князь Жуй» из книги был нечист на руку, но и потому, что между ними не было кровного родства.

У покойного императора был гарем из трёх тысяч наложниц. На первый взгляд всё казалось мирным, но под поверхностью бушевали интриги. Их мать, императрица Чжан, за двадцать лет своего правления пережила бесчисленное множество дворцовых заговоров. Рождение Цзи Су укрепило её положение: он был и законным, и старшим сыном, и его назначение наследным принцем было само собой разумеющимся.

Но двенадцать лет спустя императрица неожиданно снова забеременела... и в гареме начались волнения. Если бы она родила уродца, положение наследного принца оказалось бы под угрозой. Поэтому его брат провернул хитрую комбинацию, подменив настоящего принца на фальшивого.

И он, Цзи Вэйцю, и был тем «фальшивым принцем».

— Я ещё не нагулялся, зачем мне жениться? — с кислой миной ответил Цзи Вэйцю. — Все знают, что канцлер Ван — страшный зануда. Если он станет моим тестем, моя жизнь закончится!

Выражение лица Цзи Су оставалось неизменным, спокойным и отстранённым. Если бы не узор из девяти драконов на его одеянии, его можно было бы принять за даосского отшельника.

— Канцлер Ван — один из самых влиятельных людей при дворе, а его младшая дочь — первая красавица столицы. Ты действительно не хочешь? — спросил он.

Цзи Вэйцю вздрогнул. До него внезапно дошло — брат его проверяет!

Как подло!

Браки между князьями императорской крови и дочерьми влиятельных сановников заключались лишь в одном случае — если этот князь был наследником престола. По традиции их династии Южной Чжу, такое право было только у наследного принца. Если в государстве уже был наследник, зачем женить другого принца на дочери могущественного министра? Неужели при дворе слишком спокойно? Зачем создавать себе проблемы?

Тем более канцлер Ван был старейшиной кабинета министров, фактически премьер-

министром. Хотя в кабинете было трое старейшин, его можно было назвать главой всех чиновников. Зачем ему, праздному князю, такой союз? Он же не собирается поднимать мятеж!

— Не хочу, — Цзи Вэйцю замотал головой так, что она превратилась в размытое пятно.

Цзи Су кивнул.

— Тогда поезжай в Цзяннань.

— Я просто не хочу... — Цзи Вэйцю замер. — В Цзяннань?

Постойте, что ему там делать?!

Цзяннань — не самое лучшее место! Нет-нет, он имел в виду, что это не самое спокойное место. В книге говорилось, что его брат казнил канцлера Вана за то, что тот слишком далеко запустил свои руки и прибрал к ним всю Цзяннань. По слухам, конечно, потому что в книге князь Жуй женился на дочери канцлера, в Цзяннань не ездил, а преступления Вана были упомянуты лишь вскользь. Но именно из-за этого брака князь и потерял доверие при дворе.

— Ты же сказал, что не нагулялся, — невозмутимо произнёс Цзи Су.

Какая разница, жениться на дочери канцлера или ехать в Цзяннань?!

— Я могу не ехать? — пробормотал Цзи Вэйцю. — Если уж покидать столицу, то я бы хотел в область Тяньду... Или в Юньтай, там прекрасные пейзажи, святые места даосизма. Я бы помолился за здоровье матушки и старшего брата-императора...

— Не можешь, — с ноткой иронии в голосе ответил Цзи Су.

Выбор был ясен: либо Цзяннань, либо дочь канцлера.

В Дворце Ясного Покоя воцарилась тишина. Дыхание стоявших поодаль слуг стало почти неслышным. Цзи Вэйцю поднял глаза и встретился с тёмным взглядом Цзи Су. В этот момент брат показался ему совершенно чужим.

Не брат. Брат-император. Государь. Ваше Величество.

— Я поеду в Цзяннань, — процедил Цзи Вэйцю сквозь зубы.

— Хорошо, — Цзи Су отвернулся. — Ступай. Указ будет издан завтра. Простись с матушкой во дворце Милосердного Спокойствия, а получив указ, отправляйся.

— Слушаюсь.

Глядя на высокую спину Цзи Су, он повторил:

— Слушаюсь... Ваш младший брат откланивается.

Сначала он отправился во дворец Милосердного Спокойствия, чтобы повидаться с матерью. Рассказал ей о поездке в Цзяннань. Вдовствующая императрица сказала, что Цзяннань — прекрасное место, что его брат балует его, велела быть осторожным в пути, взять с собой побольше денег и стражи, чтобы не попасть в беду. Говоря это, она прослезилась. Цзи Вэйцю пришлось шутить и кривляться, чтобы успокоить пожилую мать. Потратив на это немало усилий, он покинул дворец и вернулся в свою резиденцию.

— Ваше Высочество... — слуги вышли ему навстречу.

Цзи Вэйцю махнул рукой, и они, не говоря ни слова, почтительно замерли. Он заперся в кабинете и лёг на длинную кушетку под окном.

Он любил это место. Чтобы устроить всё по своему вкусу, ему пришлось немало потрудиться. За окном он велел посадить деревья и цветы, и теперь в любое время года вид был особенным, по-своему прелестным.

Сейчас была осень, и магнолия за окном стояла голая, лишь одинокие ветви тянулись к небу.

Он стал князем Жуем по счастливой случайности. Во-первых, настоящий маленький принц родился мёртвым. Во-вторых, он сам только что появился на свет. В-третьих, его нашёл брат. В той критической ситуации найти другого новорождённого младенца было почти невозможно.

...Но люди — не камни, как можно не привязаться? Даже если растишь кошку или собаку, или ухаживаешь за цветком двенадцать лет, какие-то чувства всё равно появятся.

Раньше он думал, что брат в книге так безжалостно использовал «князя Жуя» в качестве наживки потому, что тот был нечист на руку, замышлял узурпировать трон и сам был виноват. Но он, Цзи Вэйцю, вёл себя предельно осторожно. Он был праздным князем, целыми днями занимался петушиными боями, вёл распутный образ жизни, не проявлял интереса к учёбе... И всё равно Цзи Су решил бросить его на съедение акулам.

Цзи Вэйцю закрыл глаза рукой, и роскошный рукав скрыл большую часть его лица.

Сегодня он притворялся обиженным, но не думал, что когда обида станет настоящей, она окажется такой горькой и многогранной.

<http://bllate.org/book/16115/1580584>